

Хапаева Светлана Магометовна

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИЗАФЕТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена одной из актуальных проблем синтаксиса современного карачаево-балкарского языка - изафетным конструкциям, имеющим широкое хождение не только в карачаево-балкарском, но и во всех тюркских языках. Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием критериев, позволяющих достаточно чётко и полно дефинировать изафетные словосочетания. Цель представленной работы - на материале карачаево-балкарского языка выявить характерные признаки изафетных сочетаний, позволяющие рассматривать их как особый тип связи слов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 1. С. 174-177. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Статья посвящена одной из актуальных проблем синтаксиса современного карачаево-балкарского языка – изафетным конструкциям, имеющим широкое хождение не только в карачаево-балкарском, но и во всех тюркских языках. Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием критериев, позволяющих достаточно чётко и полно дефинировать изафетные словосочетания. Цель представленной работы – на материале карачаево-балкарского языка выявить характерные признаки изафетных сочетаний, позволяющие рассматривать их как особый тип связи слов.

Ключевые слова и фразы: тюркские языки; карачаево-балкарский язык; изафет; субстантивные словосочетания; атрибутивные словосочетания.

Хапаева Светлана Магометовна, к. филол. н.

*Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск
khapaeva.sveta@mail.ru*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИЗАФЕТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Синтаксический строй современного карачаево-балкарского литературного языка изучен достаточно полно: имеются специальные монографические работы, пособия, учебники, посвященные исследованию проблем словосочетания, простого и сложного предложений. В этом плане мы можем назвать работы У. Б. Алиева [1], И. Х. Ахматова [3], А. М. Байрамкулова [4], М. Б. Кетенчиева [11] и др.

Все эти ученые, опираясь в основном на научные теории крупных тюркологов – Н. К. Дмитриева [8], Н. А. Баскакова [5], Б. А. Серебренникова, Н. З. Гаджиевой [13] и других, не могли не принимать во внимание изыскания последнего времени в области общего и тюркского языкознания и синтаксиса в частности, что побудило карачаево-балкарских лингвистов по-новому взглянуть на многие явления теории словосочетания и предложения карачаево-балкарского языка. Ими выявлены новые фактические материалы в синтаксическом строе карачаево-балкарского языка, нуждающиеся в интерпретации и толковании на основе новейших достижений языковедческой теории.

Однако невыясненных моментов в карачаево-балкарском языкознании немало, это касается в том числе и исследования актуальных проблем синтаксиса.

Основными видами синтаксических связей в тюркских языках, как правило, считаются согласование, управление и примыкание [4, с. 6]. Примечательно, что в синтаксической системе тюркских языков наиболее обширно применяются управление и примыкание.

Согласование в системе этих языков имеет свою особенность. Оно значительно отличается от согласования в русском языке. В карачаево-балкарском языке под согласованием понимают такой способ связи, при котором между компонентами устанавливается формальное соответствие с учетом лица и числа: *сени джюзюгонг* «твое кольцо», *мени антым* «моя клятва», *аны муратлары* «его/её мечты»: *Сени бла биргеди, шохум, мени антым* [14, с. 27]. / «С тобою едина, друг мой, клятва моя» (здесь и далее перевод автора статьи. – С. Х.). Поскольку согласование способствует большей конкретизации формы, его надо признать более поздним явлением сравнительно с теми архаичными стадиями развития языка, когда человеческая речь обходилась без согласования. При этом согласование в лице возникло раньше [8, с. 205].

Управление в тюркских языках является одним из основных типов синтаксической связи, однако его исследование в тюркологии имеет относительно недавнюю историю. Управлением считается вид «подчинительной связи, при котором один из сочетающихся компонентов, обычно выражаемый существительными или субстантивированным словом, ставится в определенном падеже в зависимости от лексического значения или грамматических характеристик управляющего слова» [3, с. 17]: *мияланы сюрт* (винительный падеж) «протереть стекло», *шахаргъа барыргъа* (дательно-направительный падеж) «идти/ехать в город», *къошдан келе* (исходный падеж) «возвращаясь с кошары» и т.д.: *Таулада кёб къар джаугъан болур, Къобан, къаралыб, таш, агъач табханын келтириб, кёпюрню ара бедженине къалайды* [2, с. 126]. / «В горах, вероятно, выпало много снега: Кубань, потемнев, приносит камни, деревья и нагромождает всё возле центральной сваи моста». По категориальной принадлежности управляющего слова и по формальному выражению связи выделяются различные виды управления. Управлять в карачаево-балкарском языке могут все знаменательные части речи, но управляют они не в одинаковой частотности; глагольное беспослеложное и послеложное управление встречается в языке чаще, чем, например, именное и наречное [11, с. 29]: *Сюрючю, ууакъ сызгыра, асыры алгъа чабхан малны, таш ата да, ызына тыя, одал чапракълы бир чунгургъа джетгенинде, кюн, тауладан иги чыгыб, малны, адамны да аркъасын кызыдырды* [2, с. 137]. / «Когда пастух, тихо насвистывая и бросая камни вслед убежавшим далеко вперед овцам, чтобы вернуть их, дошел до низины, поросшей мать-и-мачехой, солнце, поднявшись высоко над горами, стало пригревать спины и людей, и овец».

По мнению исследователей, примыкание – такая связь слов, где сочетающиеся компоненты не согласуются и не управляются другим, т.е. слова связываются между собой по смыслу при помощи интонации и порядка

слов [1, с. 54]. Положение примыкающего компонента этих словосочетаний в карачаево-балкарском языке константно: он занимает препозицию относительно определяемого слова: *джашил сырт* «зеленый склон», *гузаба атларгъа* «шагать быстро», *юй ишлерге* «строить дом», *терк къымылда* «двигайся проворно» и т.д.: *Эртденги ариу хауаны терен солуй, чалыб башлайма; чалкъы, къалын, чыкълы хансны терк юзюрюб, кенг дюрюле тюшореди* [9, с. 47]. / «Глубоко вдыхая чистый утренний воздух, начинаю косить, коса, споро скашивая густую, покрытую росой траву, оставляет широкие валки».

Согласование, управление и примыкание по существу выражают один и тот же тип зависимости слов, а именно: смысловое подчинение одного слова другому. Технически при этом могут быть использованы или морфологические категории (падеж, число), или синтаксические (порядок слов) [5, с. 174].

Во всех тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском, имеет хождение еще один вид взаимоотношения слов – монотипные атрибутивные словосочетания субстантивов, обозначаемые термином «изафет» (от араб. *аль идāфату* تفاضل «добавление»). Изафетные отношения между двумя именами существительными являются как бы ключом к пониманию многих синтаксических категорий [13, с. 260].

Несмотря на то, что этот тип атрибутивных сочетаний давно притягивает к себе внимание лингвистов и изучением и дефинированием этого вопроса занималось немало исследователей, в тюркском языкознании до сих пор отсутствует однозначное толкование сущности изафетных конструкций. К примеру, некоторые ученые причисляют к изафетным конструкциям сочетания имен прилагательных, местоимений и некоторых других слов с именами существительными [3, с. 34; 11, с. 27], в то время как другие исследователи считают, что «изафет образуется особым видом сочетания не любых имен, а имен существительных» [7, с. 29]. «Изафет – это такая определительная группа, в которой определяемое, являясь всегда субстантивом, определяется с точки зрения или принадлежности к другому предмету, или различных форм отношений к нему», – полагает Н. З. Гаджиева [6, с. 107].

В грамматическом строе тюркских языков притяжательно-определятельные конструкции занимают значительное место, пронизывая всю структуру языка и характеризуясь специфическим порядком слов (в котором определение занимает препозицию по отношению к определяемому слову), в связи с этим становится обоснованным внимание, которое уделяется этим словосочетаниям в современной тюркологической науке.

Изафетная связь наблюдается чаще всего между двумя субстантивами или иными словами, выступающими в функции существительного.

Понятие «изафет» охватывает три различных типа определительных словосочетаний: изафет I типа, изафет II типа и изафет III типа.

Изафет I типа. По установившейся в тюркологической науке традиции, к первому типу изафета относят элементарные субстантивные словосочетания, обозначающие принадлежность обозначаемого ими понятия к определенному семантическому полю [15, с. 27].

Структура первого типа изафета представлена следующим образом: субстантив в основном падеже + субстантив в основном падеже: *схарла габрай* «суконная телогрейка» (*схарла* «сукно» + *габрай* «куртка, телогрейка»). Количество структурных компонентов этих непритяжательных именных словосочетаний ограничено двумя тесно спаянными между собой в семантическом плане единицами. В грамматическом отношении структурные элементы словосочетаний связаны способом примыкания. Позиция компонентов словосочетания неизменна: главный, определяемый член словосочетания занимает постпозицию, а зависимый член, выступающий в функции определения, занимает препозицию.

По своей смысловой наполненности эти словосочетания, т.е. изафет I типа, обладают только терминологическим значением [Там же, с. 31]. Это обусловлено тем, что препозитивный компонент конструкции чаще всего адъективирован, при этом от субстантива абстрагируется признак, характеризующий объект не с качественной стороны, а в соединении с другим предметом: *джез тьюме* «медная пуговица», *сюд юй* «здание суда», *ёгюз арба* «воловоья упряжка», *къуш уя* «орлиное гнездо», *къарт хаджи* «старик хаджи» (*хаджи* – «человек, совершивший паломничество в святые места»), *сюнгу таякъ* «пика» (*сюнгу* «штык» + *таякъ* «палка» → 1. «пика»; 2. «палка, сделанная из штыка») и т.д.: [Джантемир] *Бир-эки джолда да сюд юйде Къасымны кёргенине, бир аманлык этгенча, уллу джунчуду* [2, с. 171]. / «[Джантемир] Увидя в здании суда Касыма, сильно смутился, будто его уличили в чём-то постыдном». *Къатымда олтургъан къарт хаджи, сюнгу таягъын джерге чанчыб, кёлекеси таякъ бла тенг болганында, бир-эки кере да силкиниб, аякъ юсюне тюшюб, белин тюзеталмай, ынгычхай-ынгычхай, эртде этерин кеч этиб, юйю таба къорады* [Там же, с. 173]. / «Сидевший возле меня старый хаджи воткнул свою палку в землю и, когда его тень сравнялась с палкой, несколько раз качнувшись вперед, встал на ноги, однако не смог выпрямить спину и, покряхтывая, сделал то, что давно должен был сделать – убрался в сторону своего дома».

Изафет II типа. Этот тип изафета строится следующим образом: субстантив в основном падеже + субстантив + посессивный аффикс 3-го лица: *Къобан суу* «река Кубань», *Хурзук эли* «село Хурзук», *тамакъ тауушу* «горловой звук», *салам мурджары* «соломенный настил, ложе в коше», *эшик джарыгъы* «дневной свет», *тууар териси* «шкура коровы или быка» и т.д.: *Бийнёгер, мюйюшде мушулдаб, тюгю кетмеген тууар терисинден эртденли бери кюрешиб битдирген чабырланы, бир алапат затлагъа къууанганча, къууаныб, къолунда ары-бери буруб, къобуб келиб, Семённга узатды* [Там же, с. 193]. / «Бийнёгер с самого утра сидел, сопя, в углу и мастерил из невытертой бычьей кожи чабыры; теперь, вертя их в руках и радуясь, как чему-то удивительному, встал, подошел к Семёну и протянул их ему» (*чабыр* «рабочая мужская обувь из бычьей кожи, в которую кладут солому для утепления» [10, с. 719]).

Основное значение этих притяжательных именных словосочетаний заключается в обозначении связи, отношения между структурными компонентами, причем эта связь детерминирована лексической семантикой каждого из компонентов и имеет возможность проявляться по-разному [7, с. 34]. «В каждом конкретном словосочетании это отношение говорящим осмысливается как обобщенное, отвлеченное, т.е. первый, подчиненный компонент словосочетания не выражает конкретного лица или предмета, к которому имеет отношение содержание второго – основного компонента словосочетания» [12, с. 31]: *Тау джелли, къаты ургъаны тохтамай, къалын тюшген къарны ышыкъ джерлеге сибириб джыяды* [2, с. 213]. / «Ветер с гор, не прекращая сильно дуть, собирает глубокий снег в подветренные места».

Изафет III типа. Структура этого типа именных словосочетаний выглядит таким образом: субстантив в родительном падеже + субстантив с аффиксом принадлежности 3-го лица: *джелли тыльпыу* «дыхание ветра», *терекни бутагъы* «ветка дерева», *межгитни тегереги* «место, окружающее мечеть», *къарны суугъу* «холод снега», *юйню баши* «крыша дома» и т.д.: *Межгитни тегереги да, анга туура юйню баши да адамдан тыкъ-тыкълама болуб, тиширыула бетлерине джаулукъ тартыб къарайдыла* [Там же, с. 223]. / «И пространство вокруг мечети, и крыша дома поблизости полностью заполнены людьми; женщины смотрят, прикрывая лица платками».

В отличие от первых двух типов изафета, эту притяжательную форму именных словосочетаний организует способ управления, так как стержневое синтаксически независимое слово требует от зависимого слова формы родительного падежа: *наратны ийиси* «запах сосны / сосновый запах».

В карачаево-балкарском языке, как и во множестве других тюркских языков, зависимое слово, оформленное аффиксом родительного падежа, как правило, предшествует главному слову, выражающему одновременно и предмет обладания, и грамматическое лицо обладателя: *пилни азау* «слона бивень», при этом функция конкретизатора грамматического лица, указанного в стержневом слове, возлагается на зависимое слово – *къойну джюню* «овцы шерсть», *Биймурзаны хапары* «Биймурзы рассказ»: *Не затха эсе да бек сагъыш эте болур эди, Биймурзаны хапарыны арты болгъунчу, Къыямтыны мангълайы бла къаиш орталары, къаладжюк сызлача, сызылыб, къаиши глочун джерге дженгил-дженгил къагъа эди* [Там же, с. 27]. / «Кыямты, видно, о чем-то сильно задумался: пока Биймурза заканчивал свой рассказ, на его лбу и между бровями залегли глубокие борозды, как будто прошли плугом, и он часто-часто постукивал своим камышовым набалдашником».

И главный, и зависимый компоненты именного словосочетания могут оформляться помимо посессивных также аффиксами множественного числа: *студентлени джашаулары* «студентов жизнь / студенческая жизнь», *къойланы джюнлери* «шерсть овец / овечья шерсть» и т.д.

Специфическая особенность именных словосочетаний заключается в невозможности включения между структурными элементами какого-либо компонента. Конкретизирующий член, в функции которого выступают определения, выраженные существительным, адъективом или другими субстантивированными словами, может присоединяться только к определяемому компоненту словосочетания.

Изафетные словосочетания в карачаево-балкарском языке характеризуются склонностью к лексикализации, что закономерно влечет за собой тенденцию к образованию на их основе сложных слов.

Таким образом, изафетные конструкции представляют собой именные словосочетания, характеризующиеся устойчивым порядком слов и имеющие активное хождение как в системе карачаево-балкарского, так и других тюркских языков. Частеречная отнесенность компонентов изафетных конструкций до последнего времени вызывает неоднозначное толкование среди тюркологов.

Список источников

1. Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
2. Аппаев Х. А. Къара кюбюр (Чёрный сундук). Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва, 1986. 322 с.
3. Ахматланы И. Х. Къарачай-малкъар тилни синтаксиси. Нальчик: КБГУ, 1987. 142 с.
4. Байрамкулов А. М. Къарачай тилни синтаксиси. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва, 1986. 171 с.
5. Баскаков Н. А. Тюркские языки. М.: Восточная литература, 1960. 248 с.
6. Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М.: Наука, 1973. 480 с.
7. Гусейнова М. Б. Изафетные словосочетания в кумыкском языке: дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2006. 156 с.
8. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М. – Л.: Академия наук СССР, 1948. 276 с.
9. Догдурев Х. М. Чалкъыда (На сенокосе). Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва, 1988. 252 с.
10. Карачаево-балкарско-русский словарь / ред. Э. Р. Тенишев; сост. Х. И. Суюнчев. М.: Русский язык, 1989. 830 с.
11. Кетенчиев М. Б. Словосочетание и простое предложение в карачаево-балкарском языке. Нальчик: КБГУ, 2014. 77 с.
12. Майзель С. С. Изафет в турецком языке. М. – Л.: Наука, 1957. 186 с.
13. Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: учебное пособие для вузов. Баку: Маариф, 1979. 304 с.
14. Урусов М. А. Назмула (Стихи). Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва, 1988. 51 с.
15. Шаяхметов В. А. Изафетные конструкции в башкирском языке: структурно-семантический анализ: дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2005. 179 с.

FUNCTIONING OF IZAFAT CONSTRUCTIONS IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Khapaeva Svetlana Magometovna, Ph. D. in Philology
Karachaevo-Cherkessky State University named after U. D. Aliev
khapaeva.sveta@mail.ru

The article is devoted to one of the topical problems of the modern Karachay-Balkar language syntax – izafat constructions, which are widely used not only in Karachay-Balkar, but also in all Turkic languages. The relevance of the research topic is stipulated by the lack of the criteria that enable to define izafat phrases clearly and fully. The purpose of the presented work is to reveal the characteristic features of izafat constructions by the material of the Karachay-Balkar language, allowing considering them as a special type of word connection.

Key words and phrases: Turkic languages; Karachay-Balkar language; izafat; substantive phrases; attributive phrases.

УДК 81'25

В настоящей статье предпринята попытка определить и системно представить основные направления и задачи метатеории перевода. Выявлены и подвергнуты анализу девять основных направлений, специфичных для переводоведения как научной дисциплины. По каждому из направлений представлен комментарий, задача которого – уточнить содержание и указать на вопросы, требующие внимания и разработки. Уделено внимание некоторым нерешенным проблемам, характерным, в частности, для отечественной науки о переводе.

Ключевые слова и фразы: метатеория перевода; направления метатеории перевода; задачи метатеории перевода; разделы метатеории перевода; метаязык перевода; задачи переводоведения; задачи теории перевода.

Шлепнев Дмитрий Николаевич

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова
shlepnev@gmail.com

НАПРАВЛЕНИЯ И ЗАДАЧИ МЕТАТЕОРИИ ПЕРЕВОДА (МЕТАПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ)

Цель настоящей статьи – выявить основные направления и задачи метатеории перевода и прокомментировать их. В самом общем виде они определяются с достаточной очевидностью: в целом они едины для разных отраслей знания [2]. Попытаемся раскрыть их содержание и обратить внимание на проблемы, специфичные именно для переводоведения.

Весьма отчетливо намечаются следующие направления с соответствующими задачами: 1) *определение предмета переводоведения, его сферы, его задач*; 2) *уяснение пределов перевода и переводческой деятельности*; 3) *анализ, разработка и упорядочение метаязыка перевода*; 4) *исследование (сопоставление), инвентаризация и критика теорий, теоретических моделей и подходов*; 5) *анализ существующих и определение перспективных областей и направлений исследований*; 6) *анализ и разработка (предложение) методов исследований*; 7) *история переводоведческих концепций*; 8) *определение содержания и структуры переводоведения и его разделов*; 9) *создание новых теорий на базе метатеоретического анализа*.

Перечень дан не в порядке значимости, а нумерация предпринята для удобства изложения. Впрочем, первые два пункта заметно выделяются в том смысле, что определяют сферу самой дисциплины. Все названные здесь направления взаимосвязаны и так или иначе пересекаются, однако возможность их обособления представляется очевидной. Поскольку избраны вполне эксплицитные формулировки, наполнение последующих комментариев определяется спецификой каждого конкретного направления. Главная задача комментариев – уточнить содержание, наметить важные проблемы, требующие дальнейшей разработки, и указать на некоторые болезненные для переводоведения вопросы (в частности, для отечественных исследований).

1. Определение предмета переводоведения, его сферы, его задач

Ответ не так однозначен, как может показаться, ибо полного единства мнений пока нет. Одни полагают, что переводоведение должно заниматься всеми видами межъязыкового посредничества [3, с. 8]. Другие включают адаптивное транскодирование [1, с. 291; 5, с. 125-134]. Э.-А. Гутт [14, р. 47-68, 215-221] выводит за пределы анализа «скрытый перевод» (“covert translation” – термин Ю. Хаус [15, р. 35-37]). Западные исследователи устного перевода не обходят вниманием сурдоперевод [17, р. 10, 17-18; 19, р. 376-381], по понятной причине игнорируемый многими переводоведами (в т.ч. в России) и вообще являющийся, в терминологии Р. Якобсона [12], межсемиотическим.

Широкий подход более правомерен. К тому же он отражает и реальную практику, требующую осмысления, и содержание современных научных работ. Предмету дисциплины можно дать следующую трактовку: *переводоведение призвано системно изучать переводческую деятельность во всем ее многообразии и многоаспектности, включая факторы, оказывающие на нее влияние, условия ее осуществления, бытование профессии и т.д.* [11, с. 206]. Причем переводческую деятельность здесь недопустимо сводить к речевой деятельности, т.е. лишь фазе рецепции и производства сообщения: необходимо задать широкую перспективу [10, с. 185-192].